

Родился в 1966 году в деревне Ново-Подиково Кемеровской области. Учился в Новосибирске, посещал литературное объединение Нины Греховой. Автор двух книг стихов: «Дождеворот» (1991), «Песчаный спецназ» (2006). Живёт в Кемерове.

Виктор КАЛЬСИН

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЖИЛИ-БЫЛИ

Жили-были старик со старухой,
вспоминали былое, и думы
шебуршали в избушке угрюмо
в унисон с заторможенной мухой.

На портрете – усы и трёхрядка,
грудь девичья крылата, как парус:
ах, заря так бесстыже купалась,
жизнь светилась и ясно и сладко.

А потом покатилося колечко
за леса, за высокие горы:
ни упрёка судьбе, ни укора,
а душа оплывала, как свечка.

Оттремели железо и годы.
Только зажили, здраво запели –
оперились птенцы, разлетелись –
занавескам простор и свобода.

Коматозная муха, окошко,
водянистые зыбкие краски.
И мурлычет, и требует ласки
голубая игривая кошка.

РАДОСТЬ МОЯ

Подойди ко мне, радость моя.
Мы одни и едины, и мы одиноки.
Мы живём среди кущ, мы растём среди кущ
по-райски обильных и щедрых, и соки
бродят в райских цветах и плодах,
и деревьев причудливых ноги
закутаны в плющ.

Подойди ко мне ближе, радость моя.
На губах твоих сок опьяняющих ягод,
ты его растираешь на щёки, на шею, на грудь –
и спешишь к ручейку и хрустальная влага
принимает тебя.
На беспечную нагость и благодать
я смотрю – и глаза не сомкнуть.

Где мы были с тобой,
остаются примятыми травы,
сладкогласые птахи стыдливо молчат.
Твои руки нежны и шершавы
и, как змеи, упруго скользят:
мы сплетаемся так, что суставы
немеют и пальцы хрустят.

Обними меня, радость моя.
В первобытном лесу всё овеяно снами,
расступаются ветви, в чащобу маня.
И по тёплой земле сквозь закатное пламя
мы уходим всё дальше,
чтоб долгая скорбная память
не нашла ни тебя, ни меня.

Слышишь, радость моя...

ЖЕНЩИНА ШЛА ПО УЛИЦЕ

Женщина шла по улице.
Лето. Четвёртый час.
Пух тополиный кружится.
Очередь дует квас.

Люди глядят прищурившись,
в воздухе пыль и пыльца.
Женщина шла по улице –
я не запомнил лица.

Кожа оттенка медного,
платье – белее дня:
в сказках подобной не было
дочки у короля.

Грозам и грёзам спутница,
в белом средь бела дня,
женщина шла по улице
просто прекрасного дня.

✂

В городе дожди.
После дождя – туман,
в котором тонут люди и звуки.
Если не пьёшь, то читаешь роман.
То ли от сырости, то ли от скуки
старыми костями скрипит диван.

Мерещится странное. Что живёшь
там, где быть океану –
вот и старается дождь,
наполняет яму.

И слышится песнь слепого рапсода...
Или раскручивают веретено...
Смотришь в зеркало, будто в воду, –
и видишь дно.

ПОГОВОРОИМ, ВАНЮШКА

Поговорим, Ванюшка, хотя ты не можешь
ответить достойно, а только внемлешь,
как копилка, в которой итужишь
пятаки и копейки, утешаясь тем лишь,
что воздастся сторицей. Увы, не скоро –
все родители отвратительные банкиры,
и можно сказать, не вдаваясь в споры:
дети пришли, чтоб выжить нас из нашего мира.
Вот и строжимся, якобы стоим на страже
счастливого детства, имея в виду

грядущую немощь,

но, копилка, никто не предскажет,
в чёрный день или в праздник
вытрясем звонкую мелочь.
Признаюсь честно, мне всё ещё внове
чувство отцовства:

и собственные долги не розданы,
и удивительно тупое удовольствие воловье –
тянуть и тянуть борозду.

Поговорим? Не хочешь? Согласен, Ваня:
всё вокруг велико и огромисто,
а что можно сделать маленькими словами?
Но наступит весна, и без ложной скромности
река – речь – забурлит,

заиграет всей грудью, всей ширью,
постигая имена, глаголы и прочее.

А ты улыбаешься, мой маленький Штирлиц,
как перед Мюллером, глазками-многоточиями.
Молчишь, Ванюшка. Верно, о многом
стоило б помолчать;

многое попросту не имеет названия;
многое не охватишь, не будучи осьминогом,
да и слова – это ещё не знание,
тем более что не мудрость. Но то и мучает,
и в том весь фокус, что познание необратимо:
может, выпадет тебе приключений и случаев
поболее, чем было у деревянного Буратино.

Поговорим, Ванюшка. Однажды ты сможешь
ответить достойно, как будет заслужено.
А сейчас в твоё сердце песчинку положим,
надеясь, что она превратится в жемчужину.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Не ради отдыха – работа,
и отдых здесь не для забав,
и деньги здесь не любят счёта,
и только правый будет прав.

Здесь серый хлеб – но не диета,
не ради слова – говорят,
дерутся здесь не на кастетах
и в сейфах тайны не хранят.

Здесь не задатком крепят дружбу,
не для спокойствия – уют,
здесь не влюбляются – но любят,
не проживают – но живут.

✧

*Там отдыхают
истоцившие в силах...
/ Книга Иов./*

Жить нам с тобой год-два
у керосиновой лампы,
пилить и колоть дрова,
разговаривать с косолапым.

В избушке с одним окном,
вполовину занятой печкой,
будем спать младенческим сном,
умываться ходить на речку.

Будет осень чиста, долга,
ляжет снег, чтоб земля остыла,
зашумит, запоёт тайга,
наполняясь в апреле силой.

Будем рады тому, что есть,
жить без тоски и страха.
На рассвете благую весть
принесёт перелётная птаха.

Всё оставим, поднявшись в путь –
спички, мыло, рыбацкие снасти,
люди бродят, и кто-нибудь
переступит порог в ненастье.

ВРЕМЯ

Было семнадцать тридцать или немного позже –
зимние вечера путаны в том, что касается времени.
Вздохмаченный и без шапки, ко мне заскочил приятель,
потоптался, стесняясь, у вешалки, шепнул на ухо:

«Пойдём, поделимся бременем».
Я собрался, мы вышли на улицу,
прогулялись, сливаясь с толпой, с близкостью.
Куций снежок всё скрашивал в кадры из кинохроники.
«Я никогда не забуду, – тыкал в меня он пальцем, –
эту твою припасливость» – «Но я-то причём здесь, если
нос засунуть в багажник решила твоя Пенелопа...» –
в сотый раз вспоминали мы несостоявшуюся рыбалку.
Ах, как долго и тщательно мы тогда собирались!
Было прохладно – а он без шапки! –
мы заглянули в какой-то в буквальном значении погреб.
Пили пиво и водку, закусывали, курили.
Соседом по столику оказался

экс-профсоюзный чиновник,
цедил, наливаясь счастьем, свою ежедневную дозу:
дублёночка, галстук, запонки, глазёнки бывалого циника.
Мы пили, а он подслушивал, в разговор

попытался вклиниться,
но его анекдоты были журнально-дословными,
а ясная нам недосказанность его заводила в тупик.
Приятель втыкал в меня палец, смеялся поверх бокала:
«На рыбалку взять рыбу... Ладно б консервы...
Нет, но живых карасиков...»

Я защищался, доказывал, что это вполне разумно:
«Не однажды, не дважды съездим ещё на рыбалку,
а прятать надо умнее» – «До свиданья», –
профорг протягивал руку, но этого мы не заметили.
Вскоре напротив сидела славная женская троица.
Жеманно интеллигентничая

(интеллигентно жеманничая),
они при знакомстве «выкали», чтобы потом доверительно
душу открыть и сердце, израненное и пьяное,
и предложить перейти на «ты». Ни лиц,
ни имён не помню.

Приятель их звал на рыбалку, а мне казалось, что это
дочка, мама и бабушка. Уже объявили закрытие,
чокаясь по последней, мы сидели вдвоём, обнявшись,
я говорил с пафосом: «Поедем с тобой на хариуса!»
Он сонно кивал: «Обязательно. Ну их, этих карасиков...»
Расставание затянулось. Домой я ввалился поздно.
Время, очевидно, кончилось и началось с нуля.
Жена не спала – насупившись, читала в кровати книжку.
Полез было к ней погреться, но получил отпор.
Я погружался в бездну, она, не стерпев, спросила:
«Ну, что там стряслось у приятеля?»

«Плохо ему. О-ой плохо...» – проныл я
бездомно и жалостно.

СЛИШКОМ ДОЛГАЯ ОСЕНЬ

Объехав не всю страну – какую-то часть,
не в поисках счастья – хотя бы выгоды,
вернусь в деревню и, в дверь постучась,
спрошу у матери: «Воды бы...»

Побывал, посмотрел: в добре или зле
люди живут, как позволяет климат,
но везде одинаково – везде палима
худая былинка на нашей земле.

Коротко расскажу, как идут дела
(ничего выбивающегося из ряда):
«А у вас, вон, сирень зацвела».
«Слишком долгая осень. Так надо».

Слишком долгая осень, но немного тепла
ещё сохранилось: и в это утро
река не застыла. То есть вода
всё ещё не утекла,
всё ещё не улетела одинокая утка.

Прислушиваясь к самой себе, рассказывает мать,
перемежая прошлое с тем, что от него осталось.
Утка – теоретически – может перезимовать,
человек не переживёт старость.

Увы, но годы берут не только своё,
якобы – не совсем, якобы – на пару минуток.
Отец иногда достанет ружьё,
погладит, почистит – и уберёт: не до уток.

Потому-то осень с лица не стереть:
старики смирились, что не будут другими,
ничего не хочется узнавать,
хочется просто смотреть,
а надежды так и остались благими.

Родниковая тишь. Над деревней стоят стога.
Лайка положила голову на газету.
Слишком поздняя осень, прошла страда,
сани давно готовы, а снега – нету.

✧

Мать говорит: «Воды бы...»
Осень стоит стеной, за которой – вечность.
«Вот, мам. Пойду по рыбу».
Вода в реке иллюстрирует бесконечность.

В гору ползёт пихтач,
с горы плетётся дорога.
Зазимок бросил плащ,
замедляющий время до тихого слога.

Выбранные огороды, вечная трын-трава,
собачка привычно брешет,
что говорит Москва –
ни лесник не знает, ни леший.

В нашей географии любая карта не в масть –
встретил почтальона – уже везенье.
«Не хочу умирать зимой, – повторяет мать, –
не хочу ложиться в мёрзлую землю».

С поля доносится «бах-бах-бах»:
попалась коза или заяц.
А о чём замечтался рыбак,
в сонном омуте отражаясь?

Золотая монетка лета блестит на дне,
их там много, утерянных и ничейных.
Рядом рыба и ей – вполне:
света, свободы, течения.

Я прихожу домой.
Кошки навстречу – летом.
Вечер встаёт стеной.
Мать говорит: «Кто там?»

